

УДК 930(092)

ББК 68.54г(2)Ростовский А.В.

Володихин Дмитрий Михайлович*, доктор исторических наук, советник директора РИСИ, профессор исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова.

Выдающийся русский полководец князь А. В. Ростовский: к 500-летию разгрома польско-литовских интервентов под Опочкой в 1517 г.

Недра русской истории необыкновенно богаты славными воинскими победами. Столь богаты, что иной раз потомки бесстрашных воинов не обращают внимания на их триумфы "второго ряда". Иной раз на периферии исторического сознания оказываются полководцы и боевые достижения, которые составили бы основные главы в национальной истории народа менее значительного, нежели русские. А мы... мы до такой степени привыкли быть богачами на сей счёт, что порой относимся к своему драгоценному достоянию расточительно. Мы время от времени забываем такое, чему никогда, ни при каких обстоятельствах не следует быть забытым.

У нас есть великий Суворов. И в тени его перестают замечать великого Румянцева. У нас есть великий Ушаков. И в тени его размываются черты великого Сенявина. У нас есть великий Пожарский. Многие ли видят рядом с ним других выдающихся полководцев Московского государства? А ведь это была эпоха, когда наша страна быстро расширялась, и победоносные русские полки шли в бой под командой незаурядных вождей.

Один из них, своего рода Румянец XVI в., ныне почти забытый, но для своего времени знаменитый полководец — князь Александр Васильевич Ростовский. В эпоху московско-литовских войн он одержал как минимум три крупных победы. В 1500 г. князь Ростовский взял Торопец, в 1501-м — выиграл у литовцев бой под Мстиславлем, а в 1517-м тактически переиграл и заставил отступить гетмана Острожского под Опочкой.

Стоит хорошенько отдраить звонкую медь его имени и заставить её сиять во всём древнем величии.

У истоков славы

Александр Владимирович родился в 70-х гг. XV столетия.

В то время разветвлённый дом Ростовских Рюриковичей должен был искать своё место при дворе Ивана III. Статус удельных князей остался

* volodih@yandex.ru

для него в прошлом, родовые земли свои он потерял, и будущность князей Ростовских зависела теперь от того, сколь успешно ведущие представители этого дома встроится в механизмы московской службы.

В свою очередь, для Московской державы актуальным был вопрос о том, как отбирать представителей подобных семейств в состав военно-политической элиты. Москва должна была нарастить состав правящего класса. Совсем недавно из небольшого Московского княжества родилась громадная Россия. Задачи, которые теперь, после создания централизованного Русского государства, решали её правители и правительство, многократно увеличились в масштабах. Узкий круг старых боярских семей Москвы справиться с ними уже не мог. Но отбор выходцев из бывших удельных князей, из боярства и знатных "выезжих" иноземцев на высшие ступени правящей элиты ещё не завершился, он как раз набирал обороты. Личная лояльность государю и личные таланты в ту пору могли высоко поднять не только самого знатного служильца, но и дать всему его роду твёрдое положение при дворе, в административной и военной системе Московского государства.

Возвращаясь к Александру Владимировичу: от него и его ближайшей родни зависело, какие позиции займёт дом князей Ростовских в среде русской служилой аристократии. Фактически решалась судьба семейства на несколько поколений вперёд. Честной службой и воинским искусством он мог многого добиться для всего Ростовского дома. И на всю жизнь князь избрал этот добрый путь — путь храброго и верного служильца.

Впервые князь получил крупное назначение в 1492 г.¹ В качестве первого воеводы передового полка в большой пятиполковой армии Александр Владимирович участвует в походе "на Северу". Тогда Северская земля являлась частью Великого княжества Литовского (ВКЛ). Поход окончился успешно: московские полки взяли Мценск и Любутск². Вообще, прославиться Александру Владимировичу суждено было именно на московско-литовском фронте. Но богатая воинская биография бросала его то против шведов, то под Казань, то ставила во главе живого заслона против губительных набегов воинства крымского хана... Все 20 с лишним боевых операций с его участием требуют целой книги, в статье о них рассказать невозможно. Поэтому стоит сосредоточиться на главных его достижениях.

К началу великой московско-литовской войны 1500–1503 гг., когда воинское дарование Александра Васильевича развернулось в полной мере, за ним числится как минимум 5 операций, в рамках которых князь выступал либо как полковой воевода в составе крупного полевого соединения, либо как командующий подобного соединения. Попробовал себя и в наступательных действиях, и в оборонительных. Этот солидный опыт подготовил князя А. В. Ростовского к самым известным победам его воеводской биографии.

¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 22; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 31.

² Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 225; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 73.

Литовский фронт: в зените славы

Итак, в 1499 г. на службу Ивану III переходит несколько видных верховских князей (до того они подчинялись литовским правителям), из-за чего разражается новая война с Литвой. Для Московского государства она принесла громадное расширение территории, большую воинскую славу и показала его военно-политическое могущество. А для Великого княжества Литовского это вооружённое противостояние обернулось растянувшейся на несколько лет катастрофой.

Война застаёт Александра Владимировича в должности псковского наместника. Он собирает псковичей и наносит удар по северо-восточным окраинам ВКЛ. Поход князя А. В. Ростовского совершался летом 1500 г. Он довольно скупо освещён источниками, однако можно понять, что на сей раз полководец добился выдающегося успеха.

Ему удалось взять Торопец и пленить тамошнего литовского наместника князя Семена Соколинского; это произошло 9 августа 1500 г. Поход рассматривался современниками как крупное военное предприятие, он даже попал на страницы позднего новгородского летописания, крайне скудного известиями обо всём, что происходило за пределами Новгородской земли³. Город Торопец — крупный административный центр, обладавший сильной (хоть и деревянной) крепостью. Удар в этом месте должен был весьма болезненно сказаться на общем положении Великого княжества Литовского. В 1503 г., когда было заключено мирное соглашение, Торопец с окрестными волостями перешел к Московскому государству.

Весной 1501 г. Александр Владимирович покинул псковское наместничество: его решили использовать прежде всего не как администратора, а как искусного полководца на литовском фронте. Князю поручили ответственную операцию, где он должен был тесно взаимодействовать с новыми союзниками Ивана III. Чтобы понять, кто эти союзники и сколь важно их участие в войне, требуется сделать небольшое отступление.

По примеру верховских князей на сторону Ивана III перешли два удельных князя, контролировавших ключевые, стратегически важные города у "литовского рубежа": князь Семён Иванович Можайский и князь Василий Иванович Шемячич. Прежде это были противники Москвы (Семён Иванович возглавлял войско, активно боровшееся за верховские городки в прошлую московско-литовскую войну). А теперь они отдали Москве под власть свои владения: Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч, Рыльск и Новгород-Северский. С их же помощью Иван III забрал у Литвы Путивль. В литовском доме как будто обрушилась стена. В обороне восточных рубежей появилась чудовищная брешь в несколько сотен километров. Закрывать её было просто нечем. Великий князь московский склонен был использовать до последней возможности и эту брешь,

³ Псковская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские летописи. Вып. 1. М., 2003. С. 82–83; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 345; Летопись по Архивскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 3. Вып. 2. Изд. 2-е. Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 59.

и военные ресурсы своих новых полуподданных-полусоюзников. Осенью 1501 г. войска обоих князей по распоряжению Ивана были направлены к Мстиславлю, где стоял сильный литовский заслон. По словам летописи, его возглавляли "князь Михайло Ижеславский... да великого князя Александра Литовского воевода Остафей Дашкович з двором великого князя заставою и с желныри", а также некий воевода Якуш Костевич.

Причина перехода князей на сторону Москвы лежит как в политической, так и в религиозной плоскостях. Великий князь литовский Александр предпринял действия, приведшие в итоге к самым плачевным для него последствиям. До конца XV в. нерушимость православия на русских землях Великого княжества Литовского была чем-то само собой разумеющимся. М. Меховский в своём трактате "О двух Сарматиях" писал, что "...в Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев все... держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому". Великий князь Александр сделал попытку принудительного введения унии среди всего православного населения, а также оказал давление на свою жену Елену Ивановну, дабы она оставила православие. В частности, в Полоцке между 1497 и 1500 гг. был основан бернардинский костёл, и ему передана была земля, которой до того владела православная церковь святого Петра. По причине "нужи о греческом законе" в 1500 г. на сторону Ивана III перешло сразу несколько сильнейших князей, ранее служивших Александру. Религиозно-политический конфликт был серьёзнейшей причиной очередной московско-литовской войны. Православие являлось мощным козырем великих князей московских в борьбе за влияние на территории "Литовской Руси". Авторитет московского государя был бы подорван, не прими он энергичных мер к защите православия.

Возвращаясь к ситуации 1501 г.: два удельных князя, недавно перешедших на сторону России, явно не располагали достаточными силами, чтобы разгромить литовский корпус под Мстиславлем. Летом 1500 г. литовская армия во главе с гетманом князем Константином Ивановичем Острожским была разбита на реке Ведроше, сам Острожский попал в плен. За год литовцы вновь собрались с силами. Как видно, ядро новой армии находилось именно у Мстиславля — город оказался в ту пору на "передовой" — в непосредственной близости от земель, недавно занятых московскими полками; к тому же он с юга прикрывал Смоленск, пока ещё занятый литовцами. Сюда пришёл и "двор" (или, по крайней мере, часть "двора") великого князя литовского, т. е. лучшие боевые формирования. Мстиславль давал литовцам отличную операционную базу для действий против любого наступления воевод Ивана III северо-западнее Стародуба и Брянска.

Поэтому главный элемент в большой пятиполковой армии, предназначенной для разгрома литовской группировки под Мстиславлем, составили московские полки, а не отряды удельных князей. А старшим среди "государевых воевод" был назначен князь А. В. Ростовский.

В воинских документах похода на Мстиславль Александр Владимирович ставится третьим по старшинству после князей С. И. Можайского и В. И. Шемячича. Формально, их статус — статус удельных князей — выше статуса служилого аристократа, какой имел в Московском государстве

Александр Владимирович. Однако именно он командовал основными силами армии, развёрнутой для наступления, т. е. фактически князь А. В. Ростовский являлся главнокомандующим⁴.

В летописном известии о Мстиславльской наступательной операции Александр Владимирович назван "боярином". Можно предположить, что Иван III пожаловал этот высокий чин Александру Владимировичу в награду за взятие Торопца. Обретение боярства — большой скачок в карьере князя. Но и большая ответственность: надо и впредь проявлять себя на поле брани наилучшим образом...

Под Мстиславлем рать князя А. В. Ростовского и удельных князей нанесла литовцам серьёзное поражение.

Летопись сообщает: "Приидоша воеводы к граду Мстиславлю ноября 4, в четверток, и сrete их из града... И снисдошася полки... И, Божиею милостию, одолеша полки великого князя... и многих литвы изсекоша, тысяч семь, а иных многих поимаша и знамена их поимаша, а князь Михайло едва утече в град. И воеводы велико князя, постояв у града, землю чиниша пусту, и возвратишася к Москве с многим пленом"⁵. В результате битвы московские воины "поимали" некоего вражеского военачальника Федня Скрыпова и пожгли посады Мстиславля, поскольку литовские воеводы "утекли" в город, и их некому было оборонять⁶.

Иван III, чрезвычайно трезвомыслящий политик, после битвы отправил в войско гонца Ивана Ярова с посланием для военачальников: "Вас... за вашу службу жаловать хотим". За пожалованиями "...велел князь великий князю Александру и иным воеводам ехать к себе". Значит, Москва признавала высокую значимость победы, одержанной под Мстиславлем. Кстати, среди приглашённых к великому князю воевод Александр Владимирович поставлен на первое место. Тут можно увидеть не только старшинство князя А. В. Ростовского в походе, но и, по всей видимости, признание его особых заслуг на ратном поле⁷.

Для неприятеля поражение у Мстиславля было вдвойне неприятным, поскольку он не сумел расквитаться за разгром на Ведроше и перехватить инициативу.

После первых, исключительно удачных действий Москвы и её союзников, война продолжалась ещё долго, и шла она с переменным успехом. Весной 1503 г. между Москвой и Вильно было установлено перемирие, завершившее войну. Вместе с ним закончилась и боевая работа князя А. В. Ростовского на литовском фронте.

По условиям перемирия Великое княжество Литовское отдало Чернигов, Любеч, Торопец, Путивль, Брянск, Дорогобуж, Мосальск, Мценск, Трубчевск, Серпейск, Новгород-Северский, Рыльск, Гомель, Стародуб, Хотимль и Мглин, Карачев, Радогощ, Белую, а также ряд других городов. Это был самый крупный военный успех за всю жизнь Ивана III,

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 32.

⁵ Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963. С. 335; Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 240–241.

⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 32.

⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 76–77.

наполненную громкими победами. Россия приобрела владения, сравнимые по площади с громадной Новгородской землёй, и, видимо, превосходящие её по численности населения.

Взятие Торопца, успех под Мстиславлем и обретение боярского чина — таковы крупные достижения Александра Владимировича. После Мстиславля он находился в зените славы. В ходе войны он был чуть ли не самым "востребованным" полководцем среди воевод Ивана III, который располагал в ту пору большой "обоймой" блистательных военачальников.

Битва за... "свиной хлев"

Очередная большая война с Литвой началась в 1512 г. и продлилась около десятилетия. Двумя главными её стратегическими направлениями были борьба за Смоленск и Полоцк.

Зимой 1512/1513 г. две большие русские армии вступили на земли Великого княжества Литовского. Первая из них двинулась на Смоленск, а вторая — на Полоцк.

Весь 1513 г. прошёл под знаком отчаянных усилий московских воевод взять обе твердыни. Оба города упорно оборонялись, под их стенами полегло немало московских ратников. Полки отступали в изнеможении, но вскоре возвращались с новыми силами и опять начинали осаду. Никаких успехов! Казалось, вся сила московская будет бессмысленно перемолота в тяжёлых боях...

В первой половине 1514 г. Москва отдыхала от войны и собиралась с силами. Летом армия в очередной раз подошла к Смоленску. Её возглавил лично Василий III — великий князь московский, сын и преемник Ивана III.

Смоленск — древняя столица одного из русских княжеств. В XIII–XIV столетиях Смоленское княжество являлось фактически независимым государством. Но к западу от него постепенно разбухала громада Литвы. В 1404 г. литовцы, после долгой борьбы, захватили Смоленск. В 1440-х гг. город поднял восстание и на два года освободился от чужой власти. Но восстание в конце концов было подавлено. Москва, не имевшая тогда сил для борьбы с Литвой, признала её права на Смоленск. Впоследствии соотношение сил изменилось, и теперь литовцам пришлось отстаивать захваченную ими Смоленщину.

Василий III лично руководил действиями русской армии, осадившей Смоленск. Он рассчитывал использовать два крупных козыря.

Во-первых, Москва в 1508 г. (ещё в прошлую войну с Литвой) обрела могучего союзника в лице князя Михаила Глинского. Будучи влиятельным магнатом, Глинский затеял восстание против нового польско-литовского монарха — Сигизмунда I, тяжко обидевшего род Глинских. Потерпев поражение, князь нашёл прибежище в Москве. Глинский, прирождённый лидер, имел дар убеждения. К тому же у него в Смоленске было немало сторонников. Во-вторых, московские ратники доставили под стены города мощную артиллерию. Она тоже умела убеждать... по-своему.

В итоге город сдался.

Вся оставшаяся часть войны прошла под знаком двух процессов: литовцы прикладывают титанические, но тщетные усилия отбить Смоленск,

а Москва наращивает столь же тщетные усилия, направленные ко взятию ещё и Полоцка. Итог войны: Полоцк взять не удалось, но Смоленск остался за Россией.

Смоленский триумф, к сожалению, скоро был омрачён поражением большого русского соединения под Оршей. Однако Литва не сумела реализовать преимущество, которое дала ей удача под Оршей. Победоносные её войска подошли к Смоленску, ожидая, что город от одного их вида спустит флаг. Вышло иначе: литовцев отбили от Смоленска с большим уроном, они бежали, бросив обоз с припасами.

Важнейшим результатом Оршанской битвы, да и в целом борьбы за Смоленск стало обессиливание обеих сторон. Их военный потенциал заметно сократился в результате понесённых потерь. Наносить удары прежней мощи не могли ни Великое княжество Литовское, ни Россия. Литовцы захватили несколько малых городков, Москва оказалась способна нанести ряд контрударов и даже занять Рославль, но на выполнение второй стратегической задачи — захват Полоцка — ей уже не хватило сил.

Князя А. В. Ростовского не коснулся позор поражения — он не участвовал в битве под Оршей.

С 1515-го (то ли даже с конца 1514-го) по 1517 г. он возглавляет воинскую группировку, занимавшую позиции у Великих Лук. Наместничая в Новгороде на протяжении нескольких лет, Александр Владимирович играл роль идеального военного вождя для северо-западных регионов страны. Он действовал с большой осторожностью. Часть его сил оставалась на своих позициях, составляя заслон против потенциальных атак литовцев. А другую часть князь А. В. Ростовский отправлял вглубь территории неприятеля, тревожа его и не давая перейти в наступление.

Но у литовцев имелись прямо противоположные планы. Они собирались решительно атаковать именно здесь, на участке князя Ростовского.

В июне 1517 г. Александр Владимирович вышел с войсками к Великим Лукам, чтобы продолжить тактику "заслона", активно оперирующего против литовцев.

Судя по списку воевод, князь А. В. Ростовский располагал крупными силами: в каждом полку по 2–3 воеводы — для небольшого полевого соединения хватало по одному воеводе на полк. Всего у него под началом оказалось 10 воевод. Очевидно, разведка полководца загодя установила факт широкомасштабных приготовлений Литвы к наступательной операции на этом направлении.

Посол германского императора барон Сигизмунд Герберштейн проезжал 29 марта через Опочку и знал, что литовцы готовятся осадить её. "Хотя в тех местах, — пишет он, — из-за частых болот, лесов и бесчисленных рек не найти, кажется, ни одного направления, удобного для движения войск, они тем не менее двигаются прямо, куда бы им ни было нужно, высылая вперед множество крестьян, которые обязаны удалить всякие препятствия: вырубить деревья и настлать мосты через болота и реки". Добравшись до Новгорода Великого, барон по поведению тамошнего наместника — князя А. В. Ростовского — понял: "Видимо, москвичи... разузнали о приготовлениях короля к осаде Опочки"⁸.

⁸ *Герберштейн С.* Московия. М., 2007. С. 388, 390; *Лобин А.Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011. С. 193.

Под команду Александра Владимировича был отправлен лёгкий корпус из-под Вязьмы — ещё пятеро воевод с воинскими частями во главе с князем В. В. Шуйским, в том числе воевода Полка левой руки Иван Васильевич Ляцкий, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в предстоящем столкновении с неприятелем. Вряд ли у Ляцкого под командой находилось тогда более 1000 человек, скорее, он располагал всего несколькими сотнями бойцов. Примерно такими же силами располагал и князь Федор Васильевич Телепнёв-Оболенский по прозвищу Лопата, числившийся у Великих Лук вторым воеводой Передового полка в армии князя А. В. Ростовского. Оболенскому также суждено было сыграть в грядущей битве незаурядную роль⁹.

В сентябре 1517 г. гетман Константин Острожский, когда-то разбитый на Ведроше, а затем одержавший победу под Оршей, двинулся из Полоцка на псковский "пригород" Опочку. Наместником Опочки и главой тамошнего гарнизона был Василий Михайлович Салтыков. Первым осадную армию Острожского встретил именно он¹⁰.

Опочка не располагала мощными оборонительными сооружениями. По словам того же Герберштейна, там располагалась деревянная крепость (в отличие от Порхова и Пскова, где имелись каменные крепости), стоявшая "на высоком, островерхом, как конус, холме". По всей видимости, этот холм и река у его основания обороняли Опочку лучше, нежели её невеликая крепостица. Но Опочка всё же была довольно значительным городом. Историк М. Н. Тихомиров считал, что Опочка в ту пору являлась крупным ремесленным центром со значительным рынком; у неё было богатое торговое прошлое, имелся обширный посад¹¹.

Но целью нападения была не одна Опочка. Да, в первой половине XVI столетия этот город мог считаться достойным призом для большой королевской армии, двинувшейся в генеральное наступление. Но за ним открывалась ещё более заманчивая перспектива. Если бы Опочка быстро открыла ворота, польско-литовские войска получили бы возможность пойти дальше и захватить Вороноч¹², Врев, Владимирец, если повезёт — то ещё и Остров, Порхов, а то и сам Псков. Объектов для осады и захвата в южном Припсковье хватало.

Наступление готовилось на протяжении многих месяцев. Польский король ещё в апреле 1517 г. указал собирать войска в Полоцке к сентябрю, ко дню празднования Рождества Богородицы. Проезжая Опочку весной 1517-го, Герберштейн уже прекрасно знал, что король польский планирует склонить Москву к "сносным условиям мира", нанеся здесь удар собственными войсками и договорившись с крымцами о том, что они в то же самое время совершат набег на московские владения с юга. Перед началом кампании король Сигизмунд I лично явился в Полоцк, обсуждал там военные планы и, отправив войска, сам остался в городе "с малыми людьми". Очевидно, он возлагал на гетмана Острожского большие надежды и считал необходимым присмотреть за организацией тыловой поддержки наступления.

⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 61; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 154–155.

¹⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 158.

¹¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 325.

¹² Ныне Воро́нич или Воро́нач — городище и деревня в Псковской области.

Полякам и литовцам удалось сконцентрировать на этом направлении значительные силы, в том числе собственно литовское ополчение Ю. Радзивилла, отряды поляков и центрально-европейских наёмников ("жолныри", "чахи, ляхи, угорове, литва и немцы... мураве, мозовшане, волохи и сербаве") под командой Я. Сверчовского, татарский отряд, группу военных инженеров ("аристотели") а также "великий наряд пушечный и пищальный". Подойдя к Опочке 20 сентября, Острожский блокировал город во всех сторон и открыл огонь из пушек.

6 октября гетман отдал приказ на штурм укреплений¹³.

Поляки и литовцы были совершенно уверены в успехе дела. Они с презрением называли маленькую Опочку "свиным хлевом". Тем более поразил их результат приступа.

Воевода и наместник Опочки В. М. Салтыков с гарнизоном и горожанами отбивал приступы из пушек и пищалей, "и катки большими и слоны из города" (видимо, брёвнами и деревянными чурками). Ему удалось нанести Острожскому большой урон. Погиб вражеский военачальник Сокул, а его знамя стало русским трофеем. Приступ длился весь день, но не принёс гетману успеха...

Князь А. В. Ростовский скоро узнал о вторжении польско-литовской армии и сообщил тревожные вести в Москву. Определяя способ противодействия столь опытному военачальнику, как Острожский, Александр Владимирович выбрал уже опробованную тактику: наносить удар небольшими мобильными отрядами, тревожить противника, не давать ему покоя; боевое ядро великолукского полевого соединения постепенно придвигалось к неприятелю, но не дробилось и не провоцировало к решающему сражению. Так началась большая оборонительная операция. По словам летописи, князь А. В. Ростовский послал "...наперед себя лехких людей и воевод князя Федора Васильевича Оболенского Лопату да Ивана Васильевича Ляцкого и иных воевод и детей боярских не со многими людьми, а велели им помогать пригороду Опочке, ото всех сторон войску литовскому мешать, а сами воеводы пошли противу королевых воевод со многими людьми". Как уже говорилось выше, отряды, коими могли оперировать И. В. Ляцкий и князь Ф. В. Оболенский-Телепнёв, сами по себе не могли разгромить вражескую армию, — для этого они были слишком незначительны: едва-едва полтора полноценных полка, если сложить их воедино и добавить прикомандированные к ним части И. А. Колычева, И. Мисинова и П. Лодыгина. Однако русские военачальники использовали эффект неожиданности. Острожский, занятый организацией штурма, явно не уследил за внешней обстановкой, возможно, пренебрёг разведкой и в результате подвергся внезапному удару: "Передние воеводы... князь Федор Васильевич Оболенский и Иван Васильевич Ляцкий... пришед под литовское войско удариша... с трех сторон, да литовскому войску многих побиша, а иных многих... поимаша и к большим воеводам послаша. В то же время пришла весть Ивану Васильевичу Ляцкому, что

¹³ Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963. С. 353–354; Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 261–262; Псковская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские летописи. Вып. 1. М., 2003. С. 99.

многие люди ляхове идут на помощь королеву войску. И Иван Васильевич с своими товарищи щед противу них, бьящися с ними. И Божиею помощью воевод лядцких 4000 войска побилша, а иных воевод их поимаша: Черкаса Хрептова и брата его Мисюря, да Ивана Зелепугина, и многих людей живых поимаша, и пушки у них и пищали взяша и к большим воеводам их послаша". Псковская 1-я летопись сохранила подобный рассказ об успешном рейде И. В. Ляцкого. Он узнал, что к литовцам от Брянска ("от Брянска Красногородские волости"¹⁴) идёт подмога во главе с неким паном Черкасом. К тому времени Ляцкий уже переправился через реку Великую "и через Синю реку". Быстрым маршем он подобрался к неприятельскому сикурсу. Синяя протекает намного западнее Опочки, так что Ляцкому пришлось совершить дальний бросок в западном направлении. Литовцы "обсторожились на Ключицах": заняли холм и построили там острожек, а русских пленников заперли в местном храме. Ляцкий велел блокировать литовский отряд со всех сторон и взять острог приступом. Литовцы долго сопротивлялись, но, в конце концов, сдали своё укрепление; Черкас заперся в "поповом доме", пытался продолжить бой, однако его людей порубили, а самого военачальника взяли живым вместе с последними его защитниками; русских пленников выпустили на волю¹⁵.

Таким образом, подмоги гетман не получил.

18 октября 1517 г. Острожский отступил от Опочки, "видев своего войска падение и юже на нь победу и послышав великого государя Василия больших воевод". Русские лёгкие воеводы преследовали гетмана и били вдогон. Острожский бросил всё воинское имущество, предназначенное для осады¹⁶.

Иными словами, до генерального сражения дело ещё не дошло, а Константин Острожский уже почувствовал, что операция проиграна и отступил столь стремительно, что оставил русским богатые трофеи. Почему это произошло?

Обстановка вокруг литовской армии ухудшалась постепенно: крепость не сдавалась, с флангов и тыла на расположение осаждавших обрушивались удары русских "лёгких людей"; потери, таким образом, росли, а победа не приблизилась ни на шаг. Между тем, погода портилась. По словам Герберштейна, литовцы совершили стратегическую ошибку: "Войско прибыло слишком поздно, и из-за такого опоздания, а также из-за таяния снега должно было торопиться назад". Противореча себе, в другом месте немецкий дипломат пишет, что польские войска "из-за зимы не

¹⁴ Брянск или Брянск — ныне: город Брянск Полоцкой области в Белоруссии, находится северо-западнее Полоцка.

¹⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. I. Сношения с государствами европейскими: Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Т. 1. СПб., 1851. С. 337.

¹⁶ Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963. С. 353–354; Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 261–262; Псковская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские летописи. Вып. 1. М., 2003. С. 99–100; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 503.

могли долго оставаться в поле". В любом случае он признаёт, что широко задуманное наступление на российскую западную окраину завершилось "безрезультатно", и в качестве главной причины указывает на погоду, не благоприятствовавшую литовцам¹⁷.

Что ж, возможно климатический фактор и сыграл какую-то роль (хотя, стоит заметить, русские войска оперировали в тех же погодных условиях). Но всё же главный фактор, заставивший Острожского признать поражение и скомандовать отход, — отнюдь не дожди с морозами. От Великих Лук передвинулось к северо-западу соединение князя А. В. Ростовского — те самые "великие воеводы", о которых "прослышал гетман". Не очень понятно, успел ли Александр Владимирович схлестнуться с литовцами. Если и так, то его полки всего лишь пощипали арьергард Острожского. Но всё же участие их в победе — весьма серьёзное; только оно не боевое, а иного рода. Об этом говорит рапорт полководца, отправленный им в Москву 24 октября 1517 г.

Князь А. В. Ростовский, главнокомандующий всей оборонительной операции, доложил Василию III, что И. В. Ляцкий с князем Ф. В. Оболенским "и иными воеводами" литовцев "многих побили и не в одном месте, а иных людей переимали, да и воеводу у них поймали. И под Опочкой людей литовских з города побили многих, и литовского воеводу Сокола убили; а Костянтин Острожский пошёл от Опочки в свою землю". Послание было отправлено *из-под Вороноча*. По данным псковского летописания, русские полки стояли за рекой Соротью в Изборщине ("в Бзборщине"), а Сороть протекает именно в тех местах, где располагается ныне городище и деревня Воронич, так что место новой позиции великолукской армии можно считать твёрдо определённым¹⁸.

Отсюда видно: если какие-то "иные воеводы" из состава главных сил великолукской армии и участвовали в боевых действиях, то сам командующий руководил оборонительной операцией издалека. Главным инструментом воздействия на ситуацию стала в его руках угроза нападения по-настоящему крупных сил на лагерь Острожского. Взглянув на карту Псковщины, легко заметить, что армия князя А. В. Ростовского, передвинувшись с позиции у Великих Лук к позиции у Вороноча, должна была совершить стремительный более чем 100-километровый марш. Встав здесь, Александр Владимирович загородил неприятелю дорогу на Псков. Вместе с тем, он находился примерно в 30–35 км от осаждённой Опочки, т. е. всего на расстоянии одного дня конного пути, а значит, мог своевременно посылать ей подмогу или же атаковать всей мощью своих полков.

Для гетмана Острожского такая позиция русского полевого соединения таила серьёзную угрозу: литовцев могли обойти с востока и отрезать от главной операционной базы — Полоцка. Собственно, это уже и начали делать Ляцкий с Оболенским. Очевидно, весь расчёт гетмана строился на том, что Опочка падёт чрезвычайно быстро. Тогда великолукская армия не успеет закрыть дорогу на Псков, да и ударить в тыл тоже не успеет.

¹⁷ См.: *Герберштейн С.* Москва. М., 2007. С. 388, 395.

¹⁸ Псковская 1-я летопись // Полное собрание летописей. Т. 5. Псковские летописи. Вып. 1. М., 2003. С. 100; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 503.

Возможно, удастся продолжить успешное наступление, захватить иные населённые пункты, укрепиться — если действовать быстро. В псковском летописании содержится краткое известие, согласно которому Острожский отправлял отряды под Вороноч, Вельё и Красный, видимо, планируя в перспективе взять эти малые "городки". Но под Опочкой литовцев остановили капитально, Ростовский успел взять северное направление под контроль, и гетман не стал рисковать: отвёл потрёпанную армию, пока она оставалась управляемой.

Таким образом, насколько опочецкий наместник В. М. Салтыков с гарнизоном "перестояли" Острожского, превзошли его войско в мужестве, настолько же князь А. В. Ростовский переиграл гетмана с литовцами в маневрировании.

При штурме города одни только вражеские наёмники потеряли около 1500 бойцов убитыми и ранеными. А по данным русского пленника Тимофея Рупосова, сбежавшего от литовцев, предварительно получив у них сведения о битве за Опочку, неприятелю за всё время операции на Псковщине нанесли урон в 5 тыс. убитыми, ранеными и пленными¹⁹. По словам того же Т. Рупосова, король Сигизмунд I с досадой называл Опочку "бесовой деревней".

Даже авторы польских хроник, весьма не расположенные к Московскому государству, признавали: под Опочкой, особенно во время штурма, королевское войско понесло тяжёлые потери. Так, Мартин Бельский сообщает: стреляя по атакующим воинам и сбрасывая на них брёвна, русские многих убили. Камнем, брошенным из крепости, был смертельно ранен знатный шляхтич Анджей Боратынский герба Корчак, впоследствии скончавшийся от раны в Вильно. Мачей Стрыйковский, последовательный недоброжелатель Москвы, признавал: немало чешских наёмников легло тогда у стен Опочки, поражённых стрельбой, а также камнями и колодами, летевшими сверху²⁰.

Потери, потери, потери... И всё напрасно.

Императорский посол считал, что поражение под Опочкой разрушило все планы польского короля на достойный мир с Россией. Вот его объяснение: "После того, как войско польского короля ничего не добилося под Опочкой, — а рассчитывалось, что если эта крепость будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, — великий князь²¹ сделался высокомерен, не захотел принять мира на равных условиях"²².

Блестящая победа под Опочкой имела и другое значение: со времён взятия Смоленска в 1514 г. русская армия не имела крупных боевых достижений. На вражеский успех под Оршей долгое время не удавалось ответить ничем значительным. И вот — новый боевой триумф, вражеская армия с тяжёлыми потерями отступает от стен незначительного русского

¹⁹ См.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 184; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1887. С. 234.

²⁰ *Kronika Marcina Bielskiego niegdyś w Krakowie drukowana teraz znowu z doprowadzeniem aż do Augusta III // Zbior dziejopisów polskich we czterech tomach zawarty. T. I. Warszawa, 1764. С. 485; Strzykowski M.* Kronika polska, litewska, zmodzka... Warszawa, 1846. Т. II. С. 391.

²¹ Василий III, великий князь московский.

²² *Герберштейн С.* Московия. М., 2007. С. 395.

городка. На воевод и рядовых воинов, вот уже пять лет сражавшихся с литовцами за государя Василия III, Опочка должна была произвести ободряющее воздействие: дан ответ за Оршу!

* *
*

Итоги военной деятельности этого незаурядного военачальника поражают воображение. За четверть века он побывал на всех "фронтах" Московского государства, принял участие более чем в двух десятках боевых выходов, притом около половины операций он возглавлял! Это значит, что князя А. В. Ростовского использовали на ратном поле с необыкновенной интенсивностью как Иван III, так и Василий III. Ему доверяли, его бросали на "критические" направления боевых действий, его держали на первых ролях. И он побеждал. Александр Владимирович занимает выдающееся место даже в галерее "железных волков" Ивана III — блестящих полководцев, коими столь богато было время рождения Московской державы.

Он достоин самого почтительного отношения со стороны русских людей, которым дорога боевая слава нашего Отечества.

Ключевые слова: *сражение под Опочкой — служилая знать — военное искусство — история России — князь А. В. Ростовский — военно-политическая элита — служилая иерархия.*

Keywords: *the battle of Opochka — nobility — the art of war — history of Russia — prince A. V. Rostovsky — politico-military elite — hierarchy of servicemen.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герберштейн С. Московия. М., 2007.
2. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
3. Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963.
4. Летопись по Архивскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 3. Вып. 2. Изд. 2-е. Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.
5. Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011.
6. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. I. Сношения с государствами европейскими: Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Т. 1. СПб., 1851. С. 337.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
8. Псковская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские летописи. Вып. 1. М., 2003.
9. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

10. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977.
11. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. СПб., 1882.
12. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб., 1884.
13. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 53. СПб., 1887.
14. *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
15. Kronika *Marcina Bielskiego* niegdyś w Krakowie drukowana teraz znowu z doprowadzeniem aż do Augusta III // Zbior dziejopisyw polskich we czterech tomach zawarty. T. I. Warszawa, 1764.
16. *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, zmodzka... Warszawa, 1846. T. II.